

Кондаков Борис Вадимович
профессор кафедры русской литературы
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
kondakovb@mail.ru

ВОСТОЧНАЯ ЭМИГРАЦИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье на основании исследований современных литературоведов предлагается общая характеристика русских «анклавов» в Китае (Харбина и Шанхая) и исследуются причины того, почему они стали предметом художественного изображения русской литературы начала XXI в. (произведения Б. Акунина, Е. Анташкевича, Э. Барякиной, А. Воронкова, В. Давыдова, Е. Кишкиной [Ли Ша], А. Орлова, С. Прокопьева, Н. Старосельской и некоторых других современных писателей), выявляются общие принципы воссоздания в литературе жизни русской эмиграции.

Ключевые слова: русская литература 2000–2010-х гг., русское восточное зарубежье, культурный анклав, Харбин, Шанхай, межкультурная коммуникация, адаптация.

Двадцатый век вошёл в историю как время мировых войн и возникновения тоталитарных режимов, которые прикрывали массовое уничтожение людей и насильственную унификацию личностей словами о «демократии», «свободе», «равенстве» и другими аналогичными лозунгами. Одновременно XX в. стал временем массового переселения народов, вызванного как мировыми войнами, так и массовым бегством людей из стран, где побеждал тоталитаризм.

Процесс эмиграции затронул многие народы Европы, Азии, Америки. Однако наибольшее количество эмигрантов в XX в. дала миру Россия, население которой по разным причинам вынуждено было искать новое место жительства в других странах. Этот процесс стал особенно активным в период Гражданской войны, а затем продолжался на протяжении целого столетия; не завершился он и в XXI в. Сегодня трудно, наверное, назвать страну на любом из континентов, в которой бы не проживали российские эмигранты.

На протяжении последнего десятилетия проблема адаптации представителей одной культуры к другой стала актуальной для многих государств. Опыт проживания в эмиграции, накопленный российскими людьми, которые в сложнейших исторических условиях адаптировались к «чужим» культурам, сохраняя при этом собственные традиции и сис-

темы ценностей, оказался ценным для людей XXI в. Этот опыт отразился в литературе русской эмиграции – «русского зарубежья». В последние три десятилетия эта тема обрела статус самостоятельного научного направления культурологических, исторических и литературоведческих исследований. Среди них особое место заняло исследование русского восточного (прежде всего – «китайского») зарубежья, история которого существенно отличалась от истории других его «ответвлений». В силу ряда обстоятельств оно оказалось изучено значительно хуже, чем его «западные» – европейская и американская – разновидности. Однако и это направление в течение 2000–2010-х гг. развивалось достаточно активно.

После того, как в 1990–2000-е гг. тема российской эмиграции стала открыта для объективного научного исследования, в России и в Китае были опубликованы многие произведения (мемуары, исторические повести и романы, рассказы и лирические стихотворения), созданные писателями Харбина и Шанхая, а также связанные с ними документы; появились исторические, культурологические и литературоведческие исследования, посвящённые этой теме.

Огромный вклад в воссоздание картины «русского мира» и изучение судеб представителей русской эмиграции в Китае внесли работы российских исследователей В.В. Агеносова, А.А. Забияко, Г.В. Мелихова, В.Ф. Печерицы, Е.П. Таскиной, А.А. Хисамутдинова, Г.В. Эфендиевой и ряда других.

Большое внимание данной теме уделили и выдающиеся китайские учёные-русисты, – прежде всего, иностранный академик РАН Ли Яньлин [Ли Яньлин 2002; Ли Яньлин 2005], которому удалось собрать и опубликовать на русском и китайском языках значительное количество произведений, написанных русскими эмигрантами в Харбине, а также профессора Ли Иннань (Инна Ли), Ван Чжичэн [Ван Чжичэн 2008; Ван Чжичэн 2010], Ван Яминь [Ван Яминь 2017], Дяо (Диао) Шаохуа [Дяо Шаохуа 2001], Ли Женьнянь, Ли Мэн, Ли Яньминь и многие другие.

Жизнь русских анклавов на территории Китая имела ряд особенностей: Харбин и (в меньшей степени) Шанхай в 1920–1930-е гг. представляли уникальные в культурологическом аспекте города, в которых активно взаимодействовали национальные культуры – как западные, так и восточные.

Ситуации, в которых оказались русские беженцы на «Западе» и «Востоке», принципиально различались. «Запад» был хорошо «обжит» русской интеллигенцией; люди, оказавшиеся в Париже, Берлине, Нью-Йорке, могли рассчитывать на последующую адаптацию, вхождение в новое для них общество (по крайней мере, для последующего поколе-

ния). Русские люди, оказавшиеся в Китае, хорошо понимали, что это *временное* место их пребывания и большинство не никогда сможет «войти» в культуру этой страны: обретённый ими «покой» – явление преходящее, временное, поэтому их самосознание оказывалось лишённым временной перспективы.

Харбин изначально строился как транспортный и промышленный центр, существование которого должно было способствовать развитию как России, так и Китая. Помимо русского и китайского населения, в городе проживали маньчжуры, японцы, корейцы. После Октябрьского переворота 1917 г. в город приехало огромное количество русских беженцев (как полагают исследователи, их было не менее 150 000 человек), Харбин стал центром русской восточной эмиграции, и само понятие «российское восточное зарубежье» сформировалось как следствие существования Харбина. В 1920-е гг. территория Маньчжурии, на которой находился Харбин, попала в сферу политических и экономических интересов Японии.

Русскую литературу Харбина составили произведения таких самобытных писателей, как Л. Андерсен, Н. Байков, Вс.Н. Иванов, Н. Ильина, А. Несмелов, В. Перелешин, Л. Хаиндрова А. Хейдок, П. Шкуркин, Н. Щеголев, Б. Юльский и др. Деятельность русской диаспоры Харбина содействовала укреплению культурных связей между русским и китайским народами, чему во многом способствовал высокий уровень существовавшей в Харбине литературы, театрального искусства, архитектуры, музыки и живописи.

Шанхай был международным культурным, торговым и промышленным центром (с преимущественным английским и французским влиянием), где переплетались экономические и политические интересы разных стран – Великобритании, Франции, США, Японии, Германии. Большие группы российских беженцев прибыли туда в 1923 г., что в дальнейшем привело к быстрому развитию города как центра русской эмиграции. «Шанхайский анклав» по численности российского населения был значительно меньше харбинского, однако после того, как Харбин оказался оккупирован Японией, создавшей на территории северного Китая марионеточное государство Маньчжоу-го, он стал новым прибежищем российского населения, бежавшего из Харбина.

Шанхайский и харбинский «культурные анклавы» аккумулировали уникальный опыт, связанный с трансляцией традиций разных национальных культур, преодолением межкультурных барьеров, национальных и политических границ. Русская культура, сформировавшаяся в этих городах, с полным основанием может называться *межнациональной* и *кросс-культурной*: российское население стремилось сохранять

национальные традиции, однако это не мешало возникновению новых обычаев, связанных уже с китайской культурой.

Опыт, полученный в 1920–1940-е гг., продолжал воздействовать на жизнь бывших шанхайцев и харбинцев и в дальнейшем, когда русская история обоих городов завершилась и анклав перестали существовать, – в качестве «образа», исследование которого позволяет понять ряд особенностей функционирования русской культуры.

В одной из лучших современных работ, посвящённых культуре русского восточного зарубежья, – монографии А.А. Забияко «Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина» дана точная характеристика обобщённого образа «русского человека»: «Этот русский, наряду с китайцами, корейцами, маньчжурами, проживал на территории *дальневосточного фронта* – в Северной Маньчжурии, в Харбине. Ему была присуща своя особая религиозность, вбирающая и русский, и инокультурный элемент, свои представления о пространстве и времени, о молодости и старости, о войне и мире, о жизни и смерти, о детях и будущем...» [Забияко 2016: 8].

В качестве важной особенности мироощущения представителей «дальневосточного фронта» автор указывает на специфику восприятия русскими эмигрантами пространства и *времени*: они представляли себя последними хранителями русской классической культуры Золотого и Серебряного века, которая – с их точки зрения – исчезала на территории Советского Союза, и видели свой долг перед Родиной в сохранении культурных ценностей, созданных на протяжении последнего столетия. С одной стороны, они стремились запечатлеть в своих художественных и публицистических произведениях образ «утраченной Родины» и опыт старшего поколения, прошедшего через Мировую войну, революцию и Гражданскую войну; с другой стороны, они хотели передать последующим поколениям собственный опыт выживания на территории «иной» страны: «Повседневные контакты русской интеллигенции с китайским населением и русский культуроцентризм, заставлявший проявлять известную “всемирную отзывчивость” по отношению к мощной инокультурной традиции, в своём сочетании не могли не способствовать общей маргинализации русской культуры в Китае и возникновению особых – “восточных” – черт в культуре русского Харбина» [Забияко 2016: 6, 7-8].

В сознании русских, оказавшихся в Китае, было представлено идеализированное прошлое, трагически осмысливаемое настоящее, но практическое отсутствовало понимание будущего – особенно более-менее отдалённого.

Харбин оказался городом «остановленного времени»: именно такое восприятие города как «островка» прошлой, исчезнувшей» России,

где время словно остановилось, возникало и у «советских людей», оказывавшихся в нём по тем или иным обстоятельствам. Вот как воспроизводит своё впечатление от «русского Харбина» Е.П. Кишкина (Ли Ша), приехавшая туда из СССР в 1947 г. к своему мужу – известному китайскому революционеру: «Мне показалось ирреальным все происходящее [речь идёт о Крестном ходе и купании в «Иордани» – бассейне, прорубленном во льду реки Сунгари. – Б.К.], словно я на какой-то машине времени вернулась на полвека назад. Когда я написала об этом маме в Москву, то получила от неё ответ, для меня совершенно неожиданный: «Господи! Даже я не видела ничего подобного в своей юности!» [Кишкина 2013: 166 – глава «Русский город»].

Своеобразие культурной ситуации Харбина выражалась и в том, что в нём существовало несколько разных, «параллельных» и во многом независимых друг от друга «миров». Вот как характеризовала эту ситуацию Е.П. Кишкина в своей книге: «...В Харбине существует как бы два мира: один – узкий, замкнутый мирок командированных советских людей, которые чётко дистанцировались от местных своих соотечественников; другой – китайский мир в лице коммунистов, вступивших в город вместе с Народно-освободительной армией. Это был другой обособленный круг, живший по своим законам» [Кишкина 2013: 163 – Русский город]. В 1940-е гг. в городе существовало фактически не «два», а целых четыре «мира» – два русских («советский» и «белоэмигрантский») и два китайских («коммунистический» и «традиционный» – «некоммунистический»), а в 1930-е – первой половине 1940-х гг. в нём был присутствовал и «японский» мир. Не менее сложной оказывалась культурная ситуация Шанхая, где также существовало несколько взаимодействующих между собой (но и вполне самостоятельных) «миров».

Русские, оказавшиеся в Харбине и Шанхае, соприкасались с «вечностью» и в другом аспекте: традиционная китайская культура и повседневная жизнь, сохранявшие опыт тысячелетий, также могли восприниматься как своеобразные маркеры «остановленного времени». В связи с этой особенностью А.А. Забияко отмечает: «...Образ Китая, Северо-Восточного Китая, Маньчжурии – это образ открытого незамкнутого пространства, где время остановилось и царствует покой. Это – доминантный культурный стереотип восприятия и описания Китая. Это – образ *нестрашного Китая*» [Забияко 2016: 16].

Уникальность культурных ситуаций, существовавших в Харбине и Шанхае способствовала тому, что жизнь русского восточного зарубежья в 1920–1930-е гг. сама стала объектом художественного изображения русской литературы. Обращение к изображению центров русской жизни в Китае вполне закономерно, поскольку в них не только пересеклись

судьбы населения двух стран, но и геополитические проблемы, имевшие значение для всего мира.

Можно предположить, что в русских «островах культурного спасения» обострились противоречия, традиционно выделяемые в качестве особенностей русского менталитета: «всемирная отзывчивость» уживалась с национализмом; интерес к современности и «герою времени», характерный для русского самосознания, замещался идеализацией прошлого; безграничные пространства России воспроизводились локальной территорией русских анклавов в Китае. Харбин и Шанхай стали своеобразными «экспериментальными площадками», на «платформе» которых возникли ситуации, которые стали актуальными в начале XXI в.

Обращение к такому необычному художественному материалу позволяло не только воссоздать художественные «картины мира» России и Китая, а также особенности литературной жизни в этих регионах, но и приблизиться к осмыслению общих закономерностей развития цивилизаций, соотношения в них «глобального» и «локального», «интернационального» и «национального», осмыслить стратегии национального выживания и ряд других проблем.

Поэтому не случайным можно назвать появление в 2000–2010-е гг. литературных произведений, в которых русские анклавы Китая стали предметом художественного изображения. В числе книг, раскрывающих эту тему, можно назвать работу «Повседневная жизнь “русского” Китая» Н. Старосельской [Старосельская 2006] (её можно отнести к жанру «популярного исторического сочинения»), авантюрно-приключенческий роман «Харбинский экспресс» (в двух книгах) А. Орлова [Орлов 2008; Орлов 2009], роман «Vremena Goda» Б. Акунина (скрытого под псевдонимом «Анна Борисова») [Борисова 2011], роман-трилогия «Наследники по прямой» («Киммерийская крепость». «Предначертание». «Всем смертям назло») В. Давыдова, созданный жанре «альтернативной истории» [Давыдов 2007–2008], исторические романы «Белый Шанхай» Э. Барякиной [Барякина 2018], «Харбин» [Анташкевич 2012] и «33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине» (связанные друг с другом тематически) Е. Анташкевича [Анташкевич 2013], «Харбин» А. Воронкова [Воронков 2011], «Дочь царского крестника» и «Драгоценная моя Драгоценка» С. Прокопьева [Прокопьев 2019] и ряд других произведений. Большая их часть не была замечена ни литературной критикой, ни академическим литературоведением.

Все эти произведения (созданные преимущественно в жанре романа) основаны на реальном историческом материале жизни русских анклавов в 1920–1930-е гг., принадлежащие к нескольким литературным направлениям и различающиеся художественным уровнем, появились

почти в одно и то же время. Центральное место в этих произведениях занимает описание *города* (Харбина или Шанхая) как центров геополитических интересов ряда государств и мест пересечения судеб разных людей (что нередко подчёркивается названиями произведений).

Художественные произведения, описывающие «русский мир» в Шанхае и Харбине, представляют особый вариант «китайского текста» русской литературы, который воспроизводит культурные реалии («тексты культуры»), религиозно-философские идеи, сюжеты и образы, стилиевые и сюжетно-композиционные особенности китайской словесности. “At the same time, it should be noted that the image of China in these works was not just a background, the scene. The Russian world in these works was inevitably compared with the similar Chinese world, and such a comparison made it possible to pose problems of intercultural communication, dialogue of cultures, national specifics, and allowed making historical and philosophical conclusions about the fates of different peoples and the general laws of historical development” [Krasnoyarova, Popkova, Kondakov 2019: 1249]¹.

Писатели стремятся осуществить художественное исследование внутреннего мира русских эмигрантов: раскрывают их психологическое состояние и переживания, растерянность людей, вынужденных жить в непонятной для них стране, их попытки сохранить себя и национальные ценности, – с одной стороны, и стремление измениться, чтобы выжить и в новых для себя условиях, – с другой стороны.

Сопоставляя все эти романы, можно отметить, что в ряде аспектов они *дополняют* друг друга, что позволяет воссоздать целостную картину судеб представителей русской «восточной» эмиграции. При всех различиях этих произведений, сочетающих в себе особенности популярного исторического исследования и художественного беллетристического повествования, в них выявляется ряд общих особенностей.

Во-первых, в них представлено несколько контрастных *картин мира* – русских эмигрантов, вынужденных смиряться с ролью «чужого» в новой стране, «советских служащих» в городе эмигрантов, «мира» шанхайских западных иностранных концессий, «мира» японских оккупантов, а также нескольких «картин», связанных с Китаем, – хунхузов, китайских революционеров, «простого» населения страны.

Поскольку история Китая второй половины XIX – первой половины XX вв. (впрочем, как и история русской эмиграции) плохо известна современным читателям, писатели, обратившиеся к этой теме, неизбежно делают отступления, в которых предлагаются исторические пояснения, воспроизводится исторический «фон» – контекст воссоздаваемых событий.

Писатели широко используют документальные материалы, мемуары русской эмиграции и исторические сочинения по данной теме. Среди героев произведений появляются – наряду с вымышленными – реальные персонажи: «вождь Октябрьской революции» В.И. Ленин; губернатор полосы отчуждения КВЖД генерал Д.Л. Хорват; основоположник русского фашизма, организатор Всероссийской фашистской партии (ВФП) в Маньчжурии К.В. Родзаевский; представитель Коминтерна в Китае и политический советник ЦИК Гоминьдана М.М. Бородин, генерал-губернатор Маньчжурии «старый маршал» Чжан Цзолинь и его сын – «молодой маршал» Чжан Сюэлян, писатель-натуралист полковник Н.А. Байков, журналист и писатель Вс.Н. Иванов и др.

Во-вторых, данные произведения нередко имеют два (а иногда и больше) временных «слоя», которые «накладываются» друг на друга: описание событий 1920–1930-х гг. (а иногда и более ранних) сочетается с изображением «исторической перспективы» – отдельных эпизодов, которые происходили в более поздние периоды (в 1950-е, 1970–1980-е и 1990-е гг.), что позволяет представить читателю современную оценку событий. Иногда такая перспектива показана не через изображение каких-то конкретных эпизодов, а при помощи непосредственного *авторского* текста.

В-третьих, рассматриваемые произведения часто обладают разветвлённым сюжетом, позволявшим анализировать их как авантюрно-приключенческие романы, написанные на исторические темы. Так, например, в романе А. Орлова «Харбинский экспресс» описывается, как в годы Гражданской войны ссыльный врач П. Дохтуров вместе со своими спутниками-авантюристами ищет в Маньчжурии «панацею» – таинственное китайское средство от всех болезней, за которым охотятся советские, японские и китайские спецслужбы. В романе Б. Акунина “Vremena Goda” описывается, как главные герои – Сандра и мудрый китаец Ван Ин («Иван Иванович») ищут «ян-шень» – «жизнецвет», который позволяет людям обрести внутреннюю силу и высшее сознание. В трилогии В. Давыдова «Наследники по прямой» воспроизводится фантастическая ситуация, когда главный герой произведения Яков Гурьев («Гур») своими личными усилиями изменяет ход развития страны и возвращает её в состояние монархии.

Выбор писателями сложных и запутанных вариантов развития сюжета можно объяснить неоднозначностью и недостаточной изученностью объекта художественного исследования (объясняемого неполнотой введённых в научный оборот фактов и неоднозначностью их интерпретации). Быстрая смена сюжетных ситуаций создаёт у читателя ощущение того, как стремительно текущее время требует от героев немедлен-

ного принятия судьбоносных решений. С этим же связаны и проводимые писателями «эксперименты со временем» (обращение к «альтернативной истории»): само существование Харбина, сохранявшего на китайской территории жизнь дореволюционной России, как бы показывало практическую возможность «остановки» времени и поворота его потока в обратном направлении.

В-четвёртых, в данных произведениях обычно сталкиваются диаметрально противоположные, контрастные позиции, выражающие разные точки зрения, обусловленные наличием нескольких принципиально различающихся интерпретацией описываемых событий: «правды» белогвардейцев и жителей дореволюционной России, «правды» «революционной России» (Советского Союза), «правды» местного китайского населения (в нескольких вариантах), интерпретаций исторических событий в современной «постсоветской» России.... При этом писатели стремятся сохранять нейтральную, несколько отстранённую от героев точку зрения, которая, как правило, не заглушает «голоса героев», что позволяет читателю давать личную оценку персонажам и их поступкам, делать собственные умозаключения, проистекающие из современных взглядов на ход исторического развития.

В-пятых, в этих произведениях присутствует несколько вариантов художественного пространства («локусов»), представляющих революционную и послереволюционную Россию и Китай – Москва, Санкт-Петербург (Петроград), регионы Сибири и Дальнего Востока; русские «анклавы» (Харбин с несколькими другими «русскими» городами, расположенными на КВЖД, – Цицикарном и Мукденом, – Шанхай); собственно Китай (за пределами иностранных концессий), который раскрывается через описание природы и культуры страны, бытовых реалий и жизни представителей китайского народа.

Большую роль во многих произведениях играют рассуждения о национальной специфике – «тайне» китайской культуры и истории (в сопоставлении с культурой русской и европейской), которые представлены либо от лица автора, либо от имени одного из героев.

В качестве примера приведём мысли об особенностях исторического развития Китая, которые высказывает один из персонажей романа “Vremena Goda”: «...Маньчжурия – временное, марионеточное государство, не более чем плацдарм для завоевания японцами всего Китая. <...> Пускай самураи нас завоюют, этому не нужно противиться. На самом деле, уступив их петушиному наскоку, мы сами их завоюем. Мы, китайцы, утопим их в своём необъятном теле, поглотим своим безбрежным, как океан, духом, растворим в своей великой культуре. Всякий раз, когда Срединная Империя начинала чахнуть, она получала инъекцию све-

жей варварской крови. Нас завоевали монголы – и где они? Стали китайцами. Завоевали маньчжуры – и тоже обкитаились. Аристократия завоевателей породнилась с нашей, наш язык стал их языком, наша культура – их культурой. Мы всех их проглотили и переварили. То же будет и с Японией. Истинный наш враг – Мир Запада. Он нам противоположен во всем. Он сто лет вырывает куски из нашего тела, а теперь через коммунистическую идеологию пытается проникнуть в нашу душу. Без брака с Японией мы в этой великой борьбе не устоим. Поднебесная – великая самка, и она нуждается в сильном самце. Но это самка богомола. Когда её оплодотворят, она съедает и поглощает своего любовника» [Борисова 2011: 55–56].

В художественных произведениях, посвящённых жизни русской «восточной» эмиграции, значимым оказывается воспроизведение типов межкультурной коммуникации, в частности, – способов «вхождения» русских людей в культуру других народов. Первый из них, связанный с борьбой за сохранение традиционного русского уклада, можно условно называть «харбинским»; второй, соотнесённый с «отвоёвыванием» своего места в духовном и экономическом пространстве «иных» культур, – «шанхайским».

Большое место в произведениях занимают транслируемые персонажами размышления автора о судьбе русских людей, о причинах их исторической отверженности от Родины. Изображение психологической и душевной драмы персонажей предполагает необходимость понимания читателем сути происходящих исторических событий и умение учитывать *контекст* событий, углублённо и внимательно воспринимать *подтекст*, открывая в репликах героев и комментариях к ним скрытый смысл. В них явственно выражается мысль о значимости и ценности каждой уникальной человеческой жизни – независимо от национальности, подданства (гражданства), политических взглядов, философских представлений, религии.

Писатели раскрывают, каким образом русские эмигранты, создавали на территории Китая свой «микромир» – личное изолированное пространство (мир семьи и близких друзей), оберегая его самобытность и защищая от вторжения внешних сил (в том числе от соотечественников). «Маленький», «комнатный» мир героев, существующий вопреки историческим обстоятельствам – оказывается для человечества ценнее и важнее, чем мнимые интересы государств, партий, наций (за которыми на самом деле чаще всего находятся корыстные интересы конкретных людей, выдаваемые за высокие «государственные цели», которые присвоили себе право говорить от имени несуществующего «большинства»).

Ретроспектива русской жизни, воссозданная в рассматриваемых романах, показывает, что люди разных национальностей и сословий, будучи предоставлены сами себе, легко могут договориться друг с другом и мирно жить рядом, принося пользу и лично себе, и своим странам. Тексты романов демонстрируют, что вмешательство в жизнь людей того или иного государства, стремящегося добиться её соответствия определённой «идее», неотвратимо приводит к моральному и физическому уничтожению человека, губит его «микромир», уничтожает отношения взаимопонимания и доверия, возникшие между представителями разных народов, разрушает экономику и – в конечном итоге – наносит огромный вред любой стране и её населению, во имя «интересов» которого безличное «государство» якобы действовало.

Примечание

¹ «...Изображение Китая в этих произведениях было не просто «фоном», местом действия. «Русский мир» ... неизбежно сравнивался с аналогичным «Китайским миром», и такое сопоставление позволяло ставить проблемы межкультурной коммуникации, диалога культур, национальной специфики, делать историко-философские умозаключения о судьбах разных народов и общих закономерностях исторического процесса».

Библиографический список

Анташкевич Е.М. Харбин: роман. М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. 783 с. 33 рассказа о китайском полицейском поручике Сорокине. М.: Центрполиграф, 2013. 523 с.

Барякина Э.В. Белый Шанхай. [Б.м.]: ЛитРес: Самиздат, 2018. 288 с.

Борисова Анна [Акунин Б.]. *Vremena goda*. М.: АСТ Жанры, 2014. 478 с. [Борис Акунин: проект «Авторы»].

Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае: пер. с кит. / предисл., послесл. Л.П. Черниковой. М.: Русский путь; Б-ка-фонд «Русское Зарубежье», 2008. 576 с. Харбин – вторая Родина русских эмигрантов. Харбин, 2010. 303 с.

Ван Яминь. Исследование литературы русского китайского зарубежья в Китае за 25 лет // Вестник Института иностранных языков при Народно-освободительной армии. 2017. № 5. С. 150–159 [王亚民, 中国在华俄罗斯侨民文学研究25年【J】, 《解放军外国语学院学报》, 2017年第5期, 150-159页].

Воронков А.А. Харбин. [Б.м.]: Вече, 2011. 550 с.

Кишкина Е.П. Из России в Китай. Путь длиною в сто лет / Е.П. Кишкина. [Б.м.]: Международная издательская компания «Шанс», 2013. 367 с.

Давыдов В. Наследники по прямой. Кн. 1: Киммерийская крепость. Кн. 2: Предначертание. Кн. 3: Всем смертям назло. СПб.: Ленинград (Лениздат), 2007–2008.

Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина: Монография. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2016. – 437 с.

Ли Яньлин. Литература русских эмигрантов в Китае / Собиранье оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен [Ли Янлин]. Т. 1–10. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005. [哈尔滨—我的绿洲 / 李延龄编。—北京: 中国青年出版社, 2005(中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)].

Ли Яньлин. Серия литературы русской эмиграции в Китае. Т. 1–5. Харбин: Северная литература и искусство; Хэйлунцзянское образование, 2002. [李延龄, 《中国俄罗斯侨民文学丛书》哈尔滨, 北方文艺出版社, 黑龙江教育, 2002年]. Литература русских эмигрантов в Китае / собиранье оригиналов, главный составитель, шеф-редактор Ли Янлен [Ли Янлин]. Т. 1–10. Пекин: Изд-во «Китайская молодёжь», 2005 [哈尔滨—我的绿洲 / 李延龄编 — 北京:中国青年出版社, 2005(中国俄罗斯侨民文学丛书 / 李延龄主编)].

Орлов А.Ю. Харбинский экспресс. М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Астрель-СПб», ВКТ, 2008. 444 с. Харбинский экспресс-2. Интервенция. — М.: ООО «Издательство АСТ», ООО «Астрель-СПб», ВКТ, 2009. 412 с.

Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. М.: Молодая гвардия, 2006. 376 с. [Живая история].

Прокопьев С.Н. Дочь царского крестника. [Б.м.]: ЛитРес: Самиздат, 2019. 230 с. Драгоценная моя Драгоценка. [Б.м.]: ЛитРес: Самиздат, 2019. 220 с.

Krasnoyarova A.A., Popkova T.D., Kondakov B.V. Life retrospective of Russian emigrants in China (On the example of the novels by E. Baryakina “White Shanghai” and E. Antashkevich “Harbin”) // *Opción*. 2019. Año 35. No. 23 (2019). P. 1237–1252.

Boris V. Kondakov

Professor of Russian Literature Department
Perm State University

EAST EMIGRATION IN RUSSIAN LITERATURE 2000–2010 YEARS

The article proposes general characteristics of Russian “enclaves” in China on the basis of research of modern literary scholars (Harbin and Shanghai) and the reasons for their becoming the subject of artistic depiction in Russian literature of the early 21st century are explored (works by B. Akunin, E. Antashkevich, E. Baryakina, A. Voronkov, V. Davydov, E. Kishkina [Li Sha], A. Orlov, S. Prokopiev, N. Staroselskaya and some other modern writers), common features of recreating the life of Russian emigration in literature are revealed.

Key words: Russian literature of 2000-2010, Eastern Russian Abroad, culture enclave, Harbin and Shanghai, intercultural communication, adaptation.